

МЕРТВОЕ ОЗЕРО

БЕСТСЕЛЛЕР *AMAZON*

РЕЙЧЕЛ
КЕЙН

МЕРТВОЕ ОЗЕРО

Москва
2020

УДК 821.111-312.4(73)
ББК 84(7Coe)-44
К33

Rachel Caine
STILLHOUSE LAKE

Text copyright © 2017 Rachel Caine LLC. All rights reserved. This edition is made possible under a license arrangement originating with Amazon Publishing, www.apub.com, in collaboration with Synopsis Literary Agency

Мертвое озеро. Бестселлер Amazon

Оформление серии *А. Саукова*

Кейн, Рейчел.

К33 Мертвое озеро / Рейчел Кейн ; [перевод с английского М. В. Смирновой]. — Москва : Эксмо, 2020. — 480 с.

ISBN 978-5-04-111929-4

Джина Роял была хорошей женой и любящей матерью. У нее был уютный дом на Среднем Западе и двое замечательных детей. Был у Джини и муж Мэл – обаятельный и успешный. Они были воплощением обычной американской семьи — такой, о какой только можно мечтать. Все это было... пока не открылась ужасная тайна Мэла...

И вот уже Джина — не Джина, а Гвен Проктор, бывшая жена маньяка-убийцы, вынужденная скрываться со своими травмированными детьми. А Мэл отбывает пожизненный срок в тюрьме. Но и оттуда он представляет для нее угрозу, тонко манипулируя не только поклонниками, но и врагами. И если Гвен-Джина не хочет, чтобы ее дети стали очередной жертвой кровавого монстра, ей придется научиться бороться со злом...

УДК 821.111-312.4(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Смирнова М.В., перевод на русский язык, 2018
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

ISBN 978-5-04-111929-4

*Для Люсьенны,
которая немедленно поверила*

ПРОЛОГ

Джина Ройял

Уичито, штат Канзас

Джина никогда не спрашивала про гараж.

В последующие годы эта мысль будет мешать ей спать по ночам, пульсируя сухим жаром под веками. «Я должна была спросить. Должна была знать». Но она никогда не спрашивала, она не знала, — и в итоге именно это и уничтожило ее.

Обычно в три часа дня Джина была дома, но в тот день муж позвонил ей и сказал, что у него запарка на работе и что ей придется забрать из школы Брэйди и Лили. На самом деле это было не так уж сложно — оставалась еще уйма времени, чтобы закончить дела по дому, прежде чем начать готовить ужин. Мэл очень извинялся за то, что нарушил ее распорядок дня. Он казался самым лучшим, самым очаровательным мужем на свете, и она решила, что сделает все, чтобы он не переживал. Она приготовит на ужин его любимое блюдо: печень с луком — и подаст на стол с бокалом отличного «пино нуар», бутылка которого уже стояла на кухонной стойке. А потом будет вечер в кругу семьи, они сядут на диван вместе с деть-

ми и посмотрят какое-нибудь кино. Может быть, даже тот новый фильм про супергероев, который дети так жаждали увидеть, хотя Мэл всегда тщательно следил за тем, что они смотрят. Лили свернется в теплый клубок рядом с Джинной, а Брэйди растянется поперек колен отца, положив голову на подлокотник дивана. Лежать в такой позе может быть удобно только мальчишке, еще не переросшему детскую гибкость; но Мэл больше всего на свете любил такие вот семейные вечера. Хотя нет — больше всего на свете после столярного дела. Джина надеялась, что сегодня вечером он не ускользнет, как обычно, в свою мастерскую.

Нормальная жизнь. Комфортная жизнь. Не идеальная, конечно; ни у кого не бывает идеального брака, верно? Но Джина была довольна — по крайней мере, большую часть времени.

Она уехала из дома всего на полчаса — достаточно для того, чтобы домчаться до школы, забрать детей и поспешить домой. Когда Джина обогнула угол и увидела, что в их квартале мигают красно-синие маячки, первой ее мыслью было: «О Боже, неужели чей-то дом горит?» Эта мысль искренне ужаснула ее, но в следующую секунду она эгоистично подумала о том, что теперь уж точно опоздает с ужином. Это была мелочь — но мелочь досадная.

Улица была полностью перекрыта. Джина насчитала за ограждением три полицейские машины; проблесковые сигналы на их крышах поочередно ока-

тывали практически одинаковые дома то кроваво-красным, то мертвенно-синим светом. Чуть дальше по улице стояли машина «Скорой помощи» и пожарный фургон — явно не задействованный.

— Мама? — спросил с заднего сиденья семилетний Брэйди. — Мама, что случилось? Это наш дом? — В голосе его звучал восторженный ужас. — Он горит?

Джина притормозила машину до минимальной скорости и попыталась осознать увиденное: взрытая лужайка, смятая клумба с ирисами, изломанный кустарник. Искореженный почтовый ящик, наполовину погружившийся в дренажную канаву.

Их почтовый ящик. Их лужайка. Их дом.

В конце этой трассы разрушений обнаружился красно-коричневый внедорожник, чей мотор все еще курился струйками пара. Он до половины торчал из передней стены их гаража, превращенного Мэлом в мастерскую, навалившись, точно пьяный, на груды обломков, которая некогда была частью их прочного кирпичного дома. Джине их дом всегда представлялся таким надежным, таким прочным, таким обычным... Омерзительная куча битого кирпича и штукатурки казалась чем-то непристойным. Теперь дом выглядел хрупким и уязвимым.

Джина представила себе путь внедорожника: он въехал на тротуар, сбил почтовый ящик, зигзагами промчался через двор и врезался в гараж. Подумав об этом, она нажала на тормоза собственной маши-

ны — настолько резко, что рывок отдался в ее позвоночнике.

— Мам! — закричал Брэйди почти ей в ухо, и она инстинктивно протянула руку, чтобы утихомирить его. Десятилетняя Лили, сидевшая на пассажирском месте, выдернула из ушей наушники и подалась вперед. Рот ее приоткрылся, когда она увидела ущерб, нанесенный их дому, однако девочка ничего не сказала, лишь глаза ее сделались огромными от потрясения.

— Извини, — произнесла Джина, едва сознавая, что именно говорит. — Что-то не так, малыш. Лили, ты в порядке?

— Что происходит? — спросила дочь.

— С тобой все хорошо?

— Со мной — да! Что тут случилось?

Джина не ответила — ее внимание вновь обратилось на дом. При виде этих разрушений она почувствовала себя до странного незащищенной и даже голой. Дом всегда казался ей безопасным местом, маленькой крепостью — а теперь стена этой крепости была пробита. Безопасность оказалась ложью — ничуть не прочнее кирпича, дерева и штукатурки.

И хуже того — все соседи высыпали на улицу и стояли, глаза и перешептываясь. Даже старая миссис Миллсон, бывшая школьная учительница, давным-давно ушедшая на пенсию и редко покидавшая свой дом. Она была главной сплетницей и лю-

бительницей слухов во всем квартале и никогда не стеснялась строить домыслы относительно личной жизни любого, кому не повезло оказаться в поле ее зрения. Миссис Миллсон была одета в выцветший байковый халат и тяжело опиралась на ходунки. Рядом с ней стояла ее дневная сиделка; у обеих был очень заинтересованный вид.

К машине Джини подошел полицейский, и женщина с извиняющимся видом улыбнулась ему, поспешно опуская оконное стекло.

— Офицер, — сказала она, — это мой дом — тот, в который врезался внедорожник. Можно, я припаркуюсь здесь? Мне нужно оценить ущерб и позвонить мужу. Это просто ужасно! Надеюсь, водитель не очень пострадал... Он был пьян? Тут довольно опасный поворот...

Пока она говорила, выражение лица полицейского менялось от официально-бесстрастного до мрачно-сосредоточенного; Джина совершенно не понимала, почему, однако осознавала, что это плохой признак.

— Это ваш дом?

— Да, мой.

— Как ваше имя?

— Ройял. Джина Ройял. Офицер...

Полицейский сделал шаг назад и положил руку на рукоять своего пистолета.

— Выключите двигатель, мэ, — приказал он, одновременно махнув рукой кому-то из своих кол-

лег, который рысцой приблизился к ним. — Приведи сюда детектива, быстро.

Джина облизала губы.

— Офицер, вы, наверное, не поняли...

— Мэм, выключите двигатель немедленно. — На этот раз тон приказа был резким.

Она припарковала машину и повернула ключ в замке зажигания. Тихий рокот мотора смолк, и Джина услышала, как переговариваются любопытные, собравшиеся на тротуаре по ту сторону улицы.

— Положите обе руки на руль. Никаких резких движений. У вас в машине есть оружие?

— Нет, конечно. Сэр, здесь со мной мои дети!

Он так и держал руку на пистолете, и Джина ощутила прилив гнева. «Это просто нелепо! Нас с кем-то путают! Я не сделала ничего плохого!»

— Мэм, еще раз спрашиваю вас: у вас есть оружие?

Голос его звучал настолько враждебно, что ярость Джинины сменилась леденящей паникой. В течение пары секунд она не могла говорить, потом все же сумела выдать:

— Нет! У меня нет никакого оружия. Ничего нет.

— Что не так, мама? — спросил Брэйди дрожащим от страха голосом. — Почему полицейский так злится на нас?

— Всё в порядке, малыш. Все будет хорошо. — «Не снимать руки с руля, не снимать руки с руля...» Джине отчаянно хотелось обнять сына, но она не осмелилась. Она видела, что Брэйди не поверил фальши-

вой теплоте в ее голосе. Она и сама ей не верила. — Просто сиди спокойно, ладно? Не двигайся. Вы оба, не двигайтесь.

Лили пристально смотрела на офицера, стоящего у машины.

— Он будет стрелять в нас, мама? Он нас застрелит?

Ну конечно же, они все видели по телевизору, как полицейские стреляют в людей — ни в чем не повинных людей, которые просто сделали, или сказали что-то не то, или оказались не в то время не в том месте. И Джине ярко представилось, как это происходит... как ее дети умирают, а она ничего не может сделать, чтобы остановить это. Яркая вспышка света, крик, темнота...

— Конечно же, он не будет в вас стрелять! Малыш, пожалуйста, не двигайся. — Джина снова обратилась к полицейскому: — Офицер, поймите, пожалуйста, вы пугаете детей. Я понятия не имею, что происходит!

Из-за ограждения вышла женщина с золотистой полицейской эмблемой, висящей на шее. Миновав полисмена, она остановилась рядом с окном Джинны. Лицо у женщины было усталым, темные глаза смотрели невыразительно, однако она с первого же взгляда оценила происходящее.

— Миссис Ройял? Джина Ройял?

— Да, мэм.

— Вы жена Мэлвина Ройяла? — Он ненавидел, когда его называли Мэлвином — только Мэл, всег-

да Мэл, но, похоже, темноглазой женщине об этом никто не сказал, поэтому Джина лишь кивнула в ответ. — Я детектив Салазар. Прошу вас выйти из машины. Держите, пожалуйста, обе руки на виду.

— Но мои дети...

— Они пока могут остаться на месте. Мы позаботимся о них. Выйдите из машины, пожалуйста.

— Ради бога, да что происходит?! Это наш дом! Я ничего не понимаю, ведь это мы — жертвы!

Страх — за себя, за детей — сделал Джину безрассудной, и она услышала в своем голосе какие-то странные нотки, удивившие ее саму. Это был голос человека, полностью сбитого с толку, — так говорили в новостях люди, потрясенные какими-то событиями, и она всегда испытывала к этим людям одновременно жалость и презрение. «Я ни за что не стала бы в критической ситуации говорить таким тоном». Сколько раз она думала об этом... Но именно так заговорила сейчас. Ее голос звучал точно так же, как у тех людей. Паника билась в груди Джины, словно пойманный мотылек, и она никак не могла выровнять дыхание. Слишком много событий за такое короткое время.

— Жертвы. Ну конечно. — Детектив открыла дверцу машины. — Выходите.

На сей раз это была не просьба. Полицейский, вызвавший детектива, сделал шаг в сторону, все еще держась за пистолет. Почему, ну почему они обращаются с нею так — словно с преступницей? Это про-

сто ошибка. Ужасная, глупая ошибка! Джина машинально потянулась за своей сумочкой, но Салазар немедленно выхватила ее и передала полицейскому.

— Руки на капот, миссис Ройял.

— Почему? Я не понимаю, что...

Детектив Салазар не дала ей шанса закончить. Она развернула Джину лицом к машине и толкнула вперед. Чтобы не упасть, та оперлась вытянутыми руками о горячий металл капота. Это было все равно что коснуться нагретой конфорки, но она не осмелилась отдернуть руки. Голова у нее кружилась. Это какая-то ошибка, ужасная ошибка, через минуту они извинятся, и она милостиво простит их за грубость, они посмеются вместе, и она пригласит их на чашку чая со льдом... быть может, на кухне еще осталось лимонное печенье, если Мэл его не доел; он очень любит лимонное печенье...

Джина приглушенно ахнула, когда руки Салазар бесстрастно скользнули по тем местам, которых посторонние не имели права касаться. Она пыталась сопротивляться, но детектив впечатала ее в машину с неженской силой.

— Миссис Ройял, не усугубляйте свое положение. Слушайте, что я вам скажу. Вы арестованы. У вас есть право хранить молчание...

— Я... что?! Это мой дом! Эта машина въехала в мой дом!

Ее сын и дочь видели, как унижают их мать прямо у них на глазах. Ее соседи глазели на это. Кое-кто